

Рафаэль Сабатини

ЛЪВЪИНАЯ ШКУРА

роман

Рафаэль Сабатини

Львиная шкура

«Звуковая книга »

1911

Сабатини Р.

Львиная шкура / Р. Сабатини — «Звуковая книга », 1911

Настойчивые, предпринимаемые на протяжении жизни нескольких поколений, попытки якобитов восстановить династию Стюартов, свергнутую Вильгельмом Оранским в результате Славной революции в Англии (1688), не могли ускользнуть от внимания выдающегося мастера приключенческого жанра Рафаэля Сабатини. Романтик в душе, Сабатини умел быть драматичным без мелодраматизма и всегда оставаться реалистом в изображении прошлого, превзойдя в этом таких признанных грандов, как Вальтер Скотт, Дюма и Стивенсон. Он всегда подчеркивал, что писатель-историк обязан не только основательно изучить описываемый им период, но и постараться максимально прочувствовать нюансы происходившего. В романе «Львиная шкура» бурная романтическая история разворачивается на фоне затянувшегося противостояния сторонников двух королей. И если об исходе заочной королевской «дуэли» нетрудно догадаться, то финал любовного приключения остается непредсказуемым вплоть до самой последней страницы.

© Сабатини Р., 1911

© Звуковая книга , 1911

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Рафаэль Сабатини

Львиная шкура

LION'S SKIN

Художник К. Пузанков

© А. Кузьменков

© Ю. Кузьменкова

© К. Пузанков

* * *

*Тот, кто шкуру продал неубитого льва
Сам бесславно погиб на охоте...*

В. Шекспир, «Генрих V»

Глава 1

Фанатик

Апрельская гроза гроыхала над Парижем, низвергая потоки воды на гранитные набережные острова Ситэ и на громаду собора Парижской Богоматери, контуры которого едва различались сквозь завесу окутавшего его дождя. И в душе мистера Кэрилла, недавно возвратившегося из Рима, в задумчивости стоявшего у окна и созерцавшего разбушевавшуюся стихию, сгущались тучи под стать тем, что затянули низкое парижское небо. Впрочем, со стороны могло показаться, что он был слеп и глух к происходящему, и сэр Ричард Эверард, расположившийся за огромным, заваленным бумагами столом в глубине комнаты, потемневшая обстановка которой наводила на мысль о временах минувших царствований, решил сам положить конец затянувшейся паузе.

– Пришло время действовать, Жюстен, – окликнул он своего приемного сына. – Если ты таков, каким я – с Божьей помощью – всегда пытался воспитать тебя, ты не станешь колебаться.

Мистер Кэрилл медленно повернулся к нему.

– Будь я иным, возможно, я проявил бы сейчас больше энтузиазма, – ответил он тихим приятным голосом, и только очень чуткое ухо уловило бы французский акцент в его тщательном, на грани педантизма, произношении английских слов.

Мистера Кэрилла никак нельзя было назвать красавцем, для этого у него был слишком горбатый нос, непропорционально длинный и угловатый подбородок и чересчур бледная кожа. Однако его юное, отмеченное печатью внутреннего достоинства лицо надолго врезалось в память каждому, кто видел его хотя бы мельком, а широко посаженные глаза зеленоватые и малоподвижные, глядели так спокойно, что, казалось, их обладатель, наделен необыкновенной проницательностью. У него хватило смелости отказаться от парика, и перехваченные широкой муаровой лентой рыжевато-каштановые локоны, в которых поблескивали золотистые пряди, своей пышностью могли соперничать с любым париком. Жесткая линия рта свидетельствовала о непреклонной решимости и придавала бы ему весьма мрачный вид, если бы не предчувствие улыбки, готовой в любой момент заиграть на его устах, хотя трудно было угадать, какой она будет: веселой или саркастической.

Роста чуть выше среднего, мистер Кэрилл мог похвастаться – имей он такую склонность – изящной фигурой и утонченными манерами и одевался с той, свойственной французам, изысканной элегантностью, которую в Англии называли бы пижонством. На нем был богато расшитый золотом темно-синий камзол с белой атласной подкладкой, открывавшейся взгляду при каждом его движении, и синие же чулки с золотой елочкой, бежавшей по всей их внешней стороне; драгоценные камни прятались в брюссельских кружевах его воротничка, а на пряжках его лакированных туфель с красными каблуками поблескивали алмазы.

– Жюстен! – вскричал сэр Ричард, вложив в это единственное слово всю боль и досаду, терзавшую его, но тут же, словно устыдившись своего порыва, добавил уже сдержаннее. – Какие могут быть сомнения?

– Какими бы они ни были, – услышал он невозмутимый ответ, – лучше взвесить все сейчас, чем раскаиваться в содеянном потом, когда будет слишком поздно.

– Скажи, что смущает тебя?

– Я не понимаю, почему вы столько лет ждали.

Сэр Ричард с отсутствующим видом тронул лежавшие перед ним бумаги, и в его глазах вспыхнул нездоровый огонек, свойственный людям, терзаемым телесным недугом или навязчивыми мыслями.

– Отмщение – это такое блюдо, – неспешно начал он, – которое перед употреблением должно хорошенько остыть; только тогда оно приобретает свой неповторимый вкус. – Тут он сделал небольшую паузу, прежде чем продолжить. – Да, я мог вернуться в Англию и убить его. Но разве он заслужил такую легкую и быструю кончину?

– Для наказания существует ад, – напомнил ему мистер Кэрилл.

– Откуда нам известно, что нас ждет за могилой? – услышал он суровый ответ. – Имея дело с Остермором, я не мог рисковать. Поэтому я решил сначала приготовить для него чашу питья настолько горького, что, испив ее, он сам захочет умереть. Если бы в пятнадцатом году мы взяли верх, я заставил бы его заплатить за совершенное им преступление. Но судьба распорядилась иначе, и я был арестован, а затем сослан на плантации. Как ты думаешь, Жюстен, что помогло мне вынести выпавшие на мою долю испытания, которые могли бы сломить и более крепкого человека, если даже через пять лет я нашел в себе силы и мужество совершить побег? Я должен был остаться в живых и свести счеты с Остермором прежде, чем самому предстать перед Всевышним; что, как не эта цель – смысл всего моего существования – поддерживала меня эти долгие годы? И если сейчас ты откажешься... О! – Его голос сорвался, и, когда он вновь заговорил, в его интонациях послышались страх и тревога. – Я не могу поверить в это, Жюстен! Ведь ты – сын Антуанетты де Малиньи.

– И того самого графа Остермора, – сдавленным голосом отозвался Жюстен.

– Тем слаще будет наша месть! – вскричал сэр Эверард, и в его глазах вновь сверкнул огонек одержимости. – Разве не рука сына должна отплатить за зло, причиненное его матери негодяем-отцом? – Он отрывисто рассмеялся. – Не часто в этом мире правосудие творится подобным образом.

– Ваша ненависть к нему не знает границ, – задумчиво произнес мистер Кэрилл, и в его взгляде мелькнула жалость и сострадание к сидевшему напротив него человеку, который, по его мнению, попусту растрачивал столь сильные эмоции.

– Так же, как и моя любовь к твоей матери, Жюстен, – отозвался старый баронет, и резкие морщины на его увядшем лице, казалось, чуть разгладились, а глаза потеряли свой лихорадочный блеск.

Упершись локтями в стол, он обхватил голову руками, с его губ сорвался стон, и на глаза навернулись слезы, когда перед его мысленным взором промелькнули события более чем тридцатилетней давности.

В те времена они с виконтом Ротерби – как тогда звали молодого Остермора – состояли при дворе короля Якова II в Сен-Жермене, в Париже, куда тот удалился после изгнания из Англии. Во время поездки в Нормандию они познакомились с мадемуазель де Малиньи, дочерью обедневшего *chetive noblesse*¹ – и оба страстно влюбились в нее. Но, как частенько случается с девушками, она предпочла правильность черт лица виконта Ротерби благородству сердца и ума Дика Эверарда. Не зная себе равных там, где дело касалось участия в рискованных предприятиях, Эверард чувствовал неизъяснимую робость и легко тушевался в общении с женщинами. Поэтому он почти без боя сдал свои позиции и уехал в Париж, предоставив другу праздновать легкую победу. Исполняя поручение своего короля, он затем отправился в Ирландию, и, когда после трехлетнего отсутствия вернулся в Париж, Ротерби там уже не было. Оказалось, что старый лорд Остермор употребил все влияние, чтобы выхлопотать для своего беспутного сына прощение за приверженность к свергнутой династии, чем тот не преминул воспользоваться, предоставив своей судьбе не только короля Якова, но и молодую жену, которую незадолго до того привез в Париж.

---

¹ Chetive noblesse (фр.) – мелкий дворянин (зд. и далее прим. перев.).

Как это часто бывает, их союз, основанный на взаимной страсти, не выдержал испытания временем; всякая страсть притупляется привычкой, и, когда это неизбежно произошло, они с разочарованием обнаружили, как мало у них общих интересов.

Воздушное, почти эфемерное существо, она была создана для света и цветов, музыки и поэзии, а у него за красивой внешностью скрывались худшие из черт британского характера: вялость и тупость, и полностью отсутствовало – как то подтвердили дальнейшие события – спасительное для англичан понятие собственного достоинства.

Поэтому едва ли удивительно, что она скоро наскучила ему, и при первой же возможности он поспешил избавиться от цветка, сорванного им в нормандском саду и ублажавшего его чувства в краткий период своего цветения. Его отъезд разбил ее сердце, и по возвращении из Ирландии сэр Эверард узнал, что она умерла, не выдержав выпавшего на ее долю унижения, – злые языки поговаривали, что они с Ротерби даже не потрудились обвенчаться.

Известие о ее кончине весьма скоро достигло ушей самого Ротерби, – двоюродный брат несчастной женщины, последний из рода Малиньи, приехал в Англию, требуя от виконта удовлетворения за нанесенное сестре бесчестье. Между ними состоялась дуэль, завершившаяся смертью молодого француза, и все, видимо, этим и закончилось бы, если бы не беззаветно влюбленный в мадемуазель Малиньи сэр Эверард, который поклялся во что бы то ни стало отомстить своему бывшему другу и соратнику. Узнав об этой страшной клятве, Ротерби не пожалел усилий, чтобы уничтожить сэра Эверарда, и после поражения якобитов под Брэмаром в 1715 году ему чуть было не удалось добиться своего.

Сэр Эверард, однако, очень скоро убедился в том, что слухи о смерти мадемуазель Антуанетты де Малиньи оказались ложными и были распущены из страха перед ее неистовым двоюродным братом, столь опрометчиво взявшем на себя роль мстителя. После четырех месяцев неустанных поисков сэру Эверарду удалось обнаружить ее в Париже, умирающую от голода и лишений в убогой мансарде одного из притонов Двора чудес; за два дня до этого она произвела на свет сына, и оба они, мать и дитя, не протянули бы и недели, если бы не своевременная помощь сэра Эверарда.

Используя часть средств, которые ему удалось спасти после изгнания короля Якова и которые теперь были вложены в надежное дело во Франции, Голландии и других странах, он выкупил имение Малиньи, отошедшее к кредиторам после смерти отца Антуанетты, и подарил его ребенку в день крестин.

Увы – холодная зима, проведенная Антуанеттой в каморке во Дворе чудес², посеяла свои семена, и смерть уже точила косу в ожидании жатвы.

Всего два года ее истерзанная душа наслаждалась в Малиньи покоем и уединением, которое не решался нарушить даже сэр Эверард, опасавшийся, что его присутствие лишь заставит сильнее страдать ее, когда-то причинившую ему самому столько страданий.

Имя Ротерби ни разу не упоминалось даже в письмах, которые они время от времени писали друг другу, и она никогда не просила Эверарда приехать к ней, догадываясь о том, что творится у него на сердце. Но однажды, предчувствуя близкую кончину, она, отбросив былую щепетильность, спешно послала за ним. Он прибыл слишком поздно – она умерла в самую ночь перед его приездом, – но зная, что он может не застать ее в живых, она оставила ему письмо, написанное несколькими днями раньше.

«Я не стану пытаться благодарить вас, мой дорогой друг, – прочитал он. – Мне трудно выразить словами чувства, которые я испытываю к вам за все то, что вы сделали. О, Эверард! Как я хотела бы, чтобы Господь подсказал мне тогда верный выбор!» – И сэру Эверарду пока-

---

² Двор чудес – в Средние века название нескольких парижских кварталов, в которых обитали нищие, бродяги, воры и проститутки.

залось, что в его измученной душе сверкнул тонкий лучик радости: ради одного этого стоило стойко переносить выпавшие на его долю разочарования и лишения.

«Но на все воля Божья. – Его глаза жадно побежали дальше по строчкам. – Только Он знает, почему для нас лучше так, а не иначе. Мой путь в этой жизни подходит к концу, но остается еще мой сын, мой Жюстен. Я оставляю его вам, столько сделавшему для него. Любите его, заботьтесь о нем, как о своем собственном сыне, и вырастите из него джентльмена такого же благородного, как вы сами. Его отцу ничего не известно о его рождении, и я рада этому, поскольку мне было бы тяжело умереть с мыслью, что однажды он сможет предъявить на него свои права. Пусть же он и дальше пребывает в неведении, – хотя бы до тех пор, пока не будет наказан за проявленную ко мне жестокость».

И в тот же час, задышавшись от волнения и заливаясь слезами, которых он совершенно не стеснялся, сэр Эверард поклялся усыновить Жюстена и в точности исполнить волю его матери – особенно последний пункт ее завещания.

Клятвы у сэра Эверарда не расходились с делом. Жюстен впервые узнал правду о своих родителях в очень нежном возрасте; с тех пор эта история регулярно повторялась мальчику, и сэр Эверард мог с удовлетворением наблюдать, как в нем неуклонно возрастало отвращение к негодяю, оказавшемуся его родителем по плоти, и благоговение перед памятью прекрасной достойной женщины, его матери.

Что касается всего остального, то Жюстен рос, не ведая ни в чем отказа. Выкупленное имяне приносило неплохой доход, значительно выросший за то время, пока им управлял сэр Ричард. По достижении совершеннолетия юношу послали учиться в Оксфорд, а затем, для завершения образования, отправили в двухлетнюю поездку по Европе, вернувшись из которой он был представлен ко двору короля Якова Старого Претендента в Риме, чьим доверенным лицом в Париже являлся сам сэр Эверард.

Исполняя свой долг так, как он понимал его, сэр Эверард постоянно сверял общее направление воспитания юноши с мрачной целью, маячившей на далеком горизонте, и достигнутые им результаты превзошли, как ему самому казалось, все ожидания. Жюстен унаследовал немало черт характера своей матери и почти ничего – от своего отца, так что он мог вырасти человеком веселым и жизнерадостным, но влияние сэра Эверарда возобладало, и врожденная живость, подавленная британской флегматичностью, выродилась в сардонический юмор, в ироничное отношение ко всему на свете, как к высокому, так и к низменному. Мистер Кэрилл распрощался с иллюзиями задолго до того, как у него прорезались зубы мудрости; полученное им превосходное образование в изрядной степени способствовало такой метаморфозе, равно как и преподанные сэром Ричардом уроки мизантропии, из которых он вынес твердую убежденность, что все мужчины – подлецы и обманщики, а женщины – безмозглые простушки.

Своим девизом он выбрал слова *vos non vobis*³ – намереваясь, по всей видимости, оставаться зрителем в театре, под названием «жизнь», но вместо этого превратившись, как и следовало ожидать, в одно из главных действующих в нем лиц.

Старый баронет увидел сейчас эти события тридцатилетней давности, как если бы они только что свершились; из его горла вырвался странный звук, напоминающий и рычание и всхлипывание одновременно, и он в изнеможении откинулся на спинку кресла. Помрачневший Жюстен сел на стул возле стола.

– Расскажите мне о своих намерениях, прошу вас, – обратился он к сэру Ричарду.

– С удовольствием, – согласился тот. – Итак, милорд Остермор, в погоне за выгодой однажды уже поменявший цвет своего мундира, готов сделать это еще раз и по той же самой причине. Я получил из Англии сведения, что его светлость, увлекшись биржевыми спекуляциями, охватившими весь Лондон, понес большие убытки. Насколько они велики, я не

---

³ *Vos non vobis* (лат.) – вам, но не для вас.

могу с уверенностью сказать, но, видимо, достаточно серьезны, чтобы он решился предложить свои услуги королю, которому когда-то служил, – за приличное вознаграждение, разумеется. Неделю назад один джентльмен, курсирующий между двором Его Величества в Риме и Парижем, сообщил мне, что Остермор в письменной форме уведомил его Величество о своей готовности вновь встать под знамена борцов за трон Стюартов. Он также доставил мне письма от Его Величества – все, разумеется, незапечатанные – к нашим друзьям в Англии, и поручил мне переправить их туда при первой же благоприятной возможности. Так вот среди этих посланий оказалось одно, адресованное милорду Остермору, причем с весьма заманчивыми предложениями. Прочитав его, я сделал неожиданный для себя вывод, что епископу Эттербери уже удалось изрядно поколебать преданность его светлости королю Георгу I и это письмо, – тут он хлопнул рукой по лежавшей перед ним на столе бумаге, – должно завершить начатое им дело. Однако тут появляешься ты с новыми инструкциями от Его Величества, предписывающими мне придержать эти письма и немедленно отправляться в Англию, чтобы уговорить Эттербери и его сторонников отказаться от намеченных ими планов.

Мистер Кэрилл согласно кивнул.

– В этом нет ничего удивительного, – сказал он. – Король Яков в Риме располагает достоверной информацией, что в Лондоне заподозрили о существовании заговора, и Эттербери необходимо предупредить об этом. Но я не понимаю, при чем здесь милорд Остермор?

– Неужели? – медленно проговорил сэр Эверард и, подавшись вперед, положил руку на локоть Жюстена. – Если я должен дать совет епископу воздержаться от решительных действий, то почему бы тебе не подтолкнуть к ним милорда Остермора?

Мистер Кэрилл нахмурился и пристально посмотрел на своего собеседника, но ничего не сказал.

– Вряд ли нам когда-либо еще представится возможность одним мановением руки отправить Остермора на виселицу, – закончил сэр Эверард, произнеся последнее слово своей тирады с упоением, которое без большой натяжки можно было назвать демоническим.

– Как же мы сможем уничтожить его? – продолжал допытываться Жюстен, не решаясь поверить охватившим его душу недобрым предчувствиям.

– И ты еще спрашиваешь? – отрезал сэр Ричард, и его взгляд красноречивее всяких слов сообщил мистеру Кэриллу о намерениях его приемного отца.

Мистер Кэрилл резко встал, стряхнув руку сэра Эверарда, и на его щеках появился слабый румянец.

– Вы хотите, чтобы я обманул его? – с оттенком презрения в голосе произнес он.

Сэр Ричард мрачно ухмыльнулся.

– Ты будешь действовать в качестве доверенного лица Его Величества, – пояснил он. – Для этого я снабжу тебя всеми необходимыми бумагами. Остермор будет заранее предупрежден о прибытии к нему королевского посланника. Этого будет достаточно, чтобы разжечь его любопытство. Затем появляешься ты, его однофамилец, и привозишь от короля соблазнительные предложения, перед которыми ему трудно будет устоять. Ты передашь мне его письменный ответ, и мне останется всего лишь помочь накинуть веревку ему на шею.

После его слов в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком капель дождя по оконному стеклу да отдаленными раскатами грома. Мистер Кэрилл не спеша сел и задумался, изо всех сил стараясь не поддаваться закипевшим в нем эмоциям.

– Это... отвратительно – выдавил он наконец.

– Такова воля Божья! – горячо отозвался сэр Ричард, ударив кулаком по столу.

– Вы получили откровение о ней? – поинтересовался мистер Кэрилл.

– Я знаю, что справедливость должна восторжествовать.

– Для чего тогда написано: «оставьте место гневу Божию»?

– Даже Богу для исполнения своей воли требуются орудия. Сейчас такими орудиями являемся мы, можно ли в этом сомневаться?

Мистер Кэрилл до боли стиснул кулаки.

– Поступайте, как вам угодно, – процедил он сквозь зубы. – Я не собираюсь перечить вам, но прошу вас, не втягивайте меня в это, сэр Ричард. Все-таки он – мой отец.

Сэру Ричарду с трудом удалось сохранить самообладание.

– Именно по этой причине я настаиваю на том, чтобы ты сам отправился к Остермору, – ответил он и, словно позабыв о том, что сам учил своего приемного сына проявлять сдержанность в любых обстоятельствах, с жаром воскликнул: – Ты обязан перестать думать о нем, как о своем отце! Это убийца твоей матери; он искалечил всю ее жизнь и явился виновником ее преждевременной кончины. Вспомни об этом. Отец, говоришь ты! – чуть ли не передразнил он юношу. – Разве это отец? Да ты никогда не видел его, а он о тебе даже не слышал. Для тебя «отец» – всего лишь ничего не значащее слово. И, однако же, оно пробуждает в тебе сентиментальность, которая угрожает помешать тебе исполнить свой долг. Жюстен, неужели ты захочешь покрыть себя позором в моих глазах? Ведь все эти годы я жил и растил тебя только ради той возможности, которая сейчас предоставляется нам!

Тут он, наконец, понизил голос и уже спокойнее продолжал:

– Я понимаю, само имя Джона Кэрилла, графа Остермора тебе ненавистно. За это тебя нельзя порицать – всякий честный человек, который знает правду об этом сатире в человеческом обличье, разделит бы испытываемые тобой чувства. Я заставил тебя носить его имя только для того, чтобы оно постоянно напоминало тебе о твоём долге, и еще о том, что ты не имеешь на него никакого права.

Говоря так, сэр Ричард сознательно посыпал солью открытую рану. Он увидел, что Жюстен поморщился, однако вместо того, чтобы сменить тему, безжалостно закончил:

– Вот этим ты действительно обязан своему отцу; благодаря ему ты один из тех, над кем все смеются и на кого показывают пальцем.

– Я не припомню, чтобы кто-то осмелился на это, – угрюмо заметил мистер Кэрилл.

– Потому что мы хорошо хранили тайну. Пока мы никому не показывали наш герб, никто не видел на нем черной полосы, обозначающей незаконнорожденного. Но все до поры; возможно, тебе захочется жениться и твоей избранницей окажется дама, равная тебе по положению. Что ты расскажешь ей о себе? Неужели ты отважишься предложить ей имя, запятнанное позором незаконного рождения? Вот когда ты расквесишься в своей нерешительности, Жюстен! Никогда не позволяй себе забывать об этом и о зле, причиненном твоей матери, и твоя рука не дрогнет, когда придет время покарать злодея.

Он вновь откинулся в своем кресле и пристально посмотрел на своего собеседника, словно желая убедиться, что произвел на него нужный эффект. Его слова как будто и в самом деле зацепили молодого человека за живое; он слегка побледнел и сидел, насупившись и стиснув зубы.

Сэр Ричард решительно поднялся со своего кресла, словно желая подвести итог их беседе.

– Он погубил твою мать, Жюстен, – сурово произнес он. – Так неужели содеянное им зло останется безнаказанным?

– Никогда! – Галльский дух мистера Кэрилла внезапно вырвался наружу из-под тонкого слоя британского лоска. – Клянусь, этого не произойдет!

Сэр Ричард протянул к нему руки, и его мрачные глаза сверкнули нехорошей радостью.

– Ты поплывешь со мной в Англию, Жюстен?

Но мистера Кэрилла вновь охватили сомнения.

– Подождите! – воскликнул он. – О, подождите, прошу вас! – умоляюще повторил он и в упор взглянул в глаза сэру Ричарду. – Ради бога, ответьте мне на последний вопрос: уверены ли вы в том, что моя мать благословила бы меня на такой поступок?

– Даже на Страшном суде я ответил бы, что не сомневаюсь в этом, Жюстен, – ни секунды не колеблясь, твердо ответил Эверард. – И у тебя уже есть ее благословение. Держи. – Слегка подрагивающими пальцами он взял со стола старое письмо и протянул его мистеру Кэриллу. – Вот ее завещание. Прочти его.

И пока взгляд молодого человека скользил по аккуратным ровным строкам, сэр Ричард громко произносил давно выученные наизусть слова, которые не давали ему покоя с того самого дня, как земля скрыла гроб с телом женщины, написавшей их:

– «Пусть же он и дальше пребывает в неведении, хотя бы до тех пор, пока не будет наказан за проявленную ко мне жестокость». Жюстен, это голос твоей матери вопиет к тебе из могилы.

Фанатизм сэра Ричарда, казалось, передался мистеру Кэриллу. В его зеленоватых глазах вспыхнул огонь ненависти, и гримаса насмешливой злобы исказила его бледное лицо.

– Значит, вы не сомневаетесь? – полувопросительно-полуутвердительно произнес он.

– Клянусь спасением своей души, – отозвался сэр Ричард.

– Тогда я с радостью сделаю все, что вы от меня хотите! – обьятый праведным негодованием воскликнул мистер Кэррилл. – Слава богу, это письмо и ваш ответ рассеяли мои последние сомнения, и теперь с ними навсегда покончено. Я немедленно еду с вами в Англию, сэр Ричард. Трепещи же, милорд Остермор! Отныне мое имя будет – Божья кара, раз я не имею права ни на какое другое, – патетически закончил он.

Но охватившее мистера Кэрилла возбуждение угасло так же быстро, как и вспыхнуло. Слегка устыдившись своего порыва, он плюхнулся на стул и вновь задумался, не замечая мрачной радости в глазах сэра Ричарда Эверарда, пристально смотревшего на своего воспитанника.

И в этот самый момент за окном раздался оглушительно резкий, словно вырвавшийся из самой преисподней раскат грома.

Глава 2

В «Адаме и Еве»

Был солнечный майский полдень, когда мистер Кэрилл, полномочный представитель короля-изгнанника, вылез из почтовой кареты, остановившейся во дворе гостиницы «Адам и Ева» в Мэйдстоуне. Ранним утром того же дня они с сэром Ричардом Эверардом высадились на английский берег в Дувре, но им пришлось расстаться, поскольку приемному отцу мистера Кэрилла надо было срочно ехать в Рочестер, к епископу Эттербери.

В Мэйдстоуне мистер Кэрилл собирался пообедать и затем уже продолжить свое путешествие по вечерней прохладе, чтобы оказаться в Фарнборо до наступления темноты.

Хозяйка, ее управляющий, конюх и целая свита их помощников высыпали из гостиницы навстречу знатному джентльмену, и отдельная комната наверху тут же была предоставлена в его полное распоряжение. Однако прежде чем подняться к себе мистер Кэрилл решил заглянуть в бар, выпить для аппетита бокальчик вина и обсудить с хозяйкой некоторые детали заказанного им обеда. Мистер Кэрилл всегда старался вникать в мельчайшие подробности, когда речь заходила о кулинарии, и придерживался мнения, что те, кто доверяют заботу о своем столе исключительно слугам, уподобляются грубым животным, жадно набивающим свое чрево.

И пока он, потягивая рейнвейн, внимательно выслушивал предложения хозяйки, время от времени внося в них свои коррективы, во двор гостиницы въехал на низкорослом крепком иноходце невысокий коренастый всадник в поношенном камзоле табачного цвета. Он швырнул поводья мальчишке-конюху, единственному, кого отрядили встречать столь заурядного посетителя, ловко спрыгнул с лошади, достал из кармана огромных размеров пестрый носовой платок, стянул с головы треуголку и вытер пот со своего пухлого и розовощекого, как у младенца, лица. При этом его маленькие голубые глазки внимательно разглядывали стоявшую тут же, во дворе, карету, из которой Ледюк, слуга мистера Кэрилла, выносил чемоданы своего господина, и его подвижный рот растянулся в довольной ухмылке.

Продолжая приводить себя в порядок, он вошел в гостиницу и, заслышав доносившиеся из бара голоса, направился прямо туда.

Он учтиво поклонился мистеру Кэриллу, в непринужденной позе стоявшему у стойки, и хозяйке, которую затем попросил принести ему кружечку эля, промочить глотку, как он выразился, после езды по пыльным дорогам. Хозяйка велела бармену обслужить его, а сама отправилась на кухню выполнять распоряжения мистера Кэрилла насчет обеда.

– Ох и жара сегодня, – заметил незнакомец, прихлебывая поданный ему эль.

Мистер Кэрилл вежливо кивнул в ответ, и тот продолжал:

– Прекрасный напиток, сэр, смею заметить! Клянусь, ваша честь не пожалеет, отведав нашего английского эля.

Мистер Кэрилл поставил свой бокал на стойку и лениво взглянул на незнакомца.

– Вы сэр, как будто, решили, что я не принадлежу к нации, прославившей себя изобретением этого пойла?

На розовощеком лице незнакомца отразилось удивление.

– Сэр, так вы англичанин! Черт, а я подумал, что вы француз!

– Неважно, что вы подумали, сэр, я польщен уже одним тем, что вы потрудились обратить внимание на мою скромную персону.

– Прошу вашу честь извинить мою дерзость, – смутился было незнакомец, но тут же вновь улыбнулся, и его глазки хитро сверкнули. – Смею утверждать, ваше мнение обо мне изменится, если вы все же попробуете этот эль. Я сам пивовар и знаю толк в том, что пью. Мое имя Грин, Том Грин, ваш покорный слуга, сэр.

И он допил свой эль с таким видом, словно призывал в свидетели всех представителей своей почтенной профессии.

– Я весьма благодарен вам, сэр, за глубокомысленные замечания насчет выпивки, – отозвался мистер Кэрилл, безучастно взирая на пивовара, – но, пока существуют французские вина, я вряд ли стану поклонником эля.

– Да, сэр, – мечтательно вздохнул мистер Грин. – Франция... Великая страна, не так ли?

– Несомненно; жаль, что немногие англичане разделяют ваше мнение о ней.

– Ну а Париж? – не унимался мистер Грин. – Этот город – чудо из чудес, как мне рассказывали; в сравнении с ним наш Лондон – захудалая дыра.

– В самом деле? – лениво отозвался мистер Кэрилл.

– А вы не согласны? – спросил мистер Грин, слегка распаляясь.

– Стоит ли прислушиваться ко всяким сплетням, – фыркнул мистер Кэрилл и язвительно добавил: – В любой стране хватает болтунов.

– Во всякой сплетне есть доля правды, – услышал он ответ, который почему-то показался ему двусмысленным. – По моим наблюдениям люди, озабоченные сомнительными делишками частенько не замечают того, что находится у них под носом.

– Неужели? Ну-у, вашему знанию людей можно позавидовать.

С этими словами мистер Кэрилл отвернулся от своего собеседника и, напевая вполголоса какую-то французскую мелодию, вышел из бара. Мистер Грин мрачно проводил его взглядом.

– А парень себе на уме! – бросил он стоявшему неподалеку бармену.

– Наверное, джентльмена не устраивает ваше общество, – неосторожно выдал свои мысли тот.

– Вы так думаете? – буркнул в ответ мистер Грин. – Сколько времени он пробудет здесь?

– Зря вы отпустили его, не узнав об этом, – поддел его бармен.

Лицо мистера Грина несколько вытянулось.

– Когда вы собираетесь жениться на хозяйке? – неожиданно спросил он.

– О боже! – недоуменно уставился на него бармен. – Что это вам взбрело в голову?

– А разве я не прав? – разыграл удивление мистер Грин. – Чем еще можно объяснить вашу дерзость? Ладно, не будем ссориться, налейте-ка мне еще кружечку.

Тем временем мистер Кэрилл поднялся к себе наверх, с аппетитом пообедал и, распахнув свой камзол – погода стояла по-летнему теплая – удобно устроился в кресле с трубкой в одной руке и томиком стихов мистера Гея⁴ – в другой. Но ни звонкие рифмы мистера Гея, ни графинчик с хересом, в соблазнительной близости стоявший на столе, не могли отвлечь его от мрачных мыслей, словно кандалами сковывавшими его живой беспечный дух, который он унаследовал от своей матери и сумел сохранить, несмотря на все попытки сэра Ричарда Эверарда вытравить его.

В этот дремотный час послеобеденной сиесты он был почти готов раскаться в том, что три недели тому назад, в Париже, согласился участвовать в деле, к которому теперь, когда лихо-радочное возбуждение, овладевшее им под влиянием фанатизма его приемного отца несколько улеглось, начинал испытывать непреодолимое отвращение.

Увы, он не осмеливался отступить, и в этом была заслуга сэра Ричарда, сумевшего за долгие годы внушить юноше мысль о том, что отмщение за свою мать является чуть ли не единственным оправданием его, Жюстена, существования.

Он попытался забыть в причудливых образах стихов Гея. Тонкое поэтическое чутье, чувство слова и ритма, любовь к красоте – все эти качества, которыми он был наделен от природы, развились и окончательно сформировались благодаря полученному им прекрасному образованию, и помогли стать ему настоящим знатоком и ценителем поэзии.

---

⁴ Джон Гей (1658 – 1742) – английский поэт и драматург.

В который раз велел Ледюку зажечь его погасшую трубку, он вновь попытался сосредоточиться на содержании написанного, но его взгляд лишь безучастно скользил по строчкам, и, когда настало время переворачивать страницу, он вдруг понял, что не воспринял ничего из прочитанного.

Недовольный собой, он отшвырнул книгу в сторону и энергично встал с кресла. Он подошел к окну и замер там, уставившись невидящим взором в пустоту и не реагируя ни на сочные ароматы цветущего сада, ни на пение невидимого жаворонка, заливавшегося где-то в вышине над зелеными лугами. Он стоял так до тех пор, пока топот и быстро двигавшееся в сторону Мэйдстоуна облако пыли не вывели его из забытья.

Желтая карета, запряженная четверкой без усталости погоняемых, взмысленных лошадей, подкатила к самым воротам гостиницы и остановилась. Слуга проворно соскочил со своего места на задке кареты, и каблуки его туфель торопливо застучали по неровному, мощеному булыжником двору.

Навстречу гостям из гостиницы вновь появились хозяйка и управляющий, а из конюшни – конюх со своим юным помощником.

Дверца кареты распахнулась, на землю опустилась откидная лесенка, и на ее ступеньках появился маленький, похожий на хорька, человечек в черном одеянии священника и в черном, как смоль, аллонжевом парике, резко контрастировавшим с его бледным изможденным лицом и тонкими бесцветными губами, растянутыми в застывшей усмешке и обнажавшими два ряда непропорционально больших желтых зубов. Опираясь на плечо слуги, он осторожно сошел вниз, и его место на лесенке занял куда более примечательный персонаж: высокий смуглолицый малый в сильно напудренном парике с косичкой и в превосходном светло-желтом камзоле, на воротах и на обшлагах украшенном кружевами, которые стоили, наверное, целое состояние.

Слуга, управляющий и священник помогли ему спуститься на землю, и, зажав шляпу под мышкой, он сам встал рядом с ними, приготовившись встречать следующего путешественника. Заинтригованный, мистер Кэрилл облокотился о подоконник и даже высунулся из окна наружу, чтобы лучше видеть происходящее во дворе, и в наступившей тишине ему показалось, что он слышал слабое шуршание шелка. В следующее мгновение он убедился, что слух не обманул его: изящная ножка, прикрытая до колена расшитой цветами юбкой, высунулась из кареты, нащупывая себе опору, и еще через секунду на верхней ступеньке откидной лесенки возникла невысокая фигурка ее обладательницы.

Мистер Кэрилл умел по достоинству оценить женскую красоту – как-никак он был наполовину француз по материнской линии – и неудивительно, что ему захотелось увидеть и лицо, которое от него скрывал шелковый капюшон ее плаща. Словно отвечая на его просьбу, незнакомка робко оглянулась по сторонам, и на секунду, не более, его взору открылся безупречный овал ее лица; он успел заметить тронутые нежным румянцем щеки и большие, карие глаза, кроткие, как у ангела, и такие прекрасные, что в них стоило заглянуть поглубже.

Она тоже заметила мистера Кэрилла; легкое восклицание сорвалось с ее губ, и она заторопилась ко входу в гостиницу.

Ее спутники, словно по команде, задрали головы вверх, и при виде мистера Кэрилла знатный джентльмен нахмурился, по телу священника пробежала дрожь, а конюх и его помощник ухмыльнулись.

Он глубоко вздохнул и отвернулся от окна. Попросив Ледюка в очередной раз раскурить его трубку, он возвратился к своему креслу и вновь устроился в нем, с задумчивым видом выпуская к потолку сизые клубы дыма. От его недавней депрессии не осталось и следа, и теперь его целиком занимал только один вопрос: что же связывало между собой эту странную троицу, только что появившуюся в гостинице. Сумасшедшая скорость, с которой они ехали сюда, уже сама по себе являлась поводом для любопытства, но больше всего мистера Кэрилла удив-

ляло присутствие священника в компании знатного джентльмена; какого черта тому взбрело в голову якшаться с попами? – удивлялся он.

Время шло и эти вопросы все больше захватывали мистера Кэрилла, и, если бы не боязнь уронить собственное достоинство в глазах вновь прибывших, он спустился бы вниз и навел о них справки.

Резкий стук в дверь вывел его из задумчивости. На пороге комнаты появилась хозяйка гостиницы, веселая, миловидная и румяная, какой и полагается быть представительницам ее профессии.

– Вас спрашивает джентльмен... – начала было она, но мистер Кэрилл перебил ее.

– Я предпочел бы, чтобы это оказалась леди, – сказал он.

– О, сэр! – воскликнула она, в притворном смущении закатывая глаза и воздевая руки к потолку в знак шутивого протеста. – Да ведь он говорил и от ее имени тоже.

Он иронично взглянул на нее.

– Хороший посол никогда не оставляет добрые известия напоследок, а начинает с них, – менторским тоном произнес он. – Но, несмотря на это упущение, вы обнадеживаете меня, так что продолжайте, прошу вас.

– Они шлют вам свои наилучшие пожелания и просили меня передать, что будут очень обязаны вам, если вы соизволите сойти к ним вниз.

– Сойти вниз? – переспросил мистер Кэрилл и искоса взглянул на хозяйку. – А могу я знать, для чего?

– Мне кажется, сэр, им нужен свидетель.

– Зачем? Свидетельствовать о совершенстве ее лица и фигуры, о ее ангельских глазках или, скажем, о чуде, которое она в обиходе называет своими ножками? Если так, то их можно поздравить с удачным выбором свидетеля: трудно найти большего знатока в таких вещах, чем я.

– О нет, сэр! – рассмеялась она, обнажая белоснежные зубы. – Они всего лишь хотят оформить свой брак.

Мистер Кэрилл вопросительно взглянул на нее.

– Так вот для чего им понадобился священник, – удовлетворенно отозвался он, отчасти решив для себя занимавшую его загадку, и уже более серьезным тоном добавил:

– Этот джентльмен назвал вам себя?

– Нет, сэр, но я подслушала, как к нему обращался его слуга.

– Ну и как же? – поинтересовался мистер Кэрилл.

– Это очень знатный джентльмен, – уклончиво ответила она.

– Тем лучше. Мне нравится иметь дело с людьми такого сорта.

– Его зовут лорд Ротерби.

При упоминании этого имени мистер Кэрилл внезапно изменился в лице, но в следующую же секунду оно вновь обрело привычное насмешливо-снисходительное выражение, так что хозяйке нужно было бы обладать сверхъестественной наблюдательностью, чтобы заметить произошедшую в ее постояльце перемену.

– Что ж, прекрасно, – негромко проговорил он. – Как можно отказать его светлости?

– Тогда я передам им, что вы спускаетесь, – сказала она, берясь за ручку двери.

– Минуточку, прошу вас, – задержал ее мистер Кэрилл. – Они ведь сбежали, верно?

На ее лице вновь появилась чувственная улыбка: хозяйка гостиницы явно симпатизировала романтической любви.

– А как же иначе, сэр? – рассмеялась она.

– Тогда зачем я им нужен? – осведомился он, задумчиво теребя пальцами нижнюю губу.

– Для заключения брака всегда требуются два свидетеля, – с оттенком удивления в голосе пояснила она. – Одним из них станет слуга его светлости, а другим – вы.

– Но почему им понадобился именно я, – настаивал он. – С чего это вдруг они предпочли меня вашему конюху, бармену, вашему управляющему, наконец?

Она нетерпеливо пожала плечами и насупилась – стоило ли придавать мелочам такое значение?

– Его светлость случайно увидел вас, сэр, и спросил у меня, кто вы и откуда.

– Внимание его светлости льстит мне. Будем надеяться, что мой вид внушил ему доверие.

И что же вы ответили ему?

– Я сказала, что ваша честь прибыли из Франции.

– Для хозяйки гостиницы вы неплохо осведомлены, – кисло отозвался мистер Кэрилл, досадуя, что даже простонародье может распознать легкий французский акцент в его речи.

– Ваш вид, сэр, говорит сам за себя, – поспешила она объяснить свою догадку, и мистер Кэрилл подумал, что изысканная элегантность его одежды действительно могла заставить хозяйку, наверняка перевидавшую у себя в гостинице немало французов, предположить в нем их соотечественника.

– Бьюсь об заклад, это вы тоже сообщили его светлости, – заметил он и тут же спросил: – И как он отнесся к вашему известию?

– Он повернулся к священнику и сказал: «Вот человек, который нам нужен, Дженкинс».

– А что ему ответил на это священник – тот самый Дженкинс?

– «Превосходная мысль», – сказал он и ухмыльнулся.

– Гм-м! И какой вывод из всего этого вы сделали?

– Что-что, сэр?

– Я спросил, какой вы сделали вывод, мадам. Не пришла ли вам в голову мысль, что его светлости более всего хочется избежать огласки? Только поэтому в качестве второго свидетеля он решил выбрать совершенно незнакомого ему человека, иностранца, о котором уже завтра никто и никогда не услышит.

– О боже, сэр! – У хозяйки раскрылся рот от изумления.

Мистер Кэрилл загадочно улыбнулся.

– Вот так-то, мадам. В семье милорда Ротерби с большой осторожностью относятся к заключению брачных контрактов. И в этом случае он, несомненно, хочет оставить себе открытым путь к отступлению.

– Ваша честь знакомы с его светлостью? – поинтересовалась хозяйка.

– Слава богу, нет, но увы, дьявол позавидовал моему счастью и внушил мне мысль, что любопытно будет взглянуть на его светлость вблизи. Идемте же, мадам.

Хозяйка открыла дверь, однако мистер Кэрилл остановил ее неожиданным вопросом:

– Который сейчас час?

– Половина пятого, сэр, – после короткого замешательства ответила та.

Мистер Кэрилл отрывисто рассмеялся.

– Поистине, его светлость заслуживает, чтобы познакомиться с ним поближе.

С этими словами он вышел из комнаты и заторопился вниз по лестнице. В коридоре он дождался не поспевавшую за ним хозяйку.

– Прошу вас, объявите им обо мне, – попросил он ее. – Мое имя Кэрилл, мистер Кэрилл.

Она кивнула и, шагнув вперед, распахнула дверь на кухню, перед которой они задержались.

– Мистер Кэрилл, – громко произнесла она и, когда он вошел, тактично прикрыла за ним дверь, оставив его наедине с милордом и его спутниками.

Высокий, хорошо сложенный джентльмен в светло-желтом камзоле, расшитом серебром, поспешно поднялся из-за полированного стола орехового дерева и двинулся навстречу своему брату, с которым судьбе было угодно познакомиться его при весьма необычных обстоятельствах. Мистер Кэрилл окинул беглым взглядом его фигуру, смуглое лицо, полные губы, большой нос,

упрямый подбородок и низкий лоб и почувствовал непреодолимое отвращение к отпрыску человека, который являлся, как это ни удивительно, и его собственным отцом. И в дальнейшем он редко вспоминал о связывавших их кровных узах, разве что в самые критические минуты.

– Эта женщина сказала мне, что вы прибыли из Франции, – услышал он недовольный голос Ротерби.

Вряд ли такое приветствие можно было назвать учтивым или, хотя бы, просто вежливым, но мистер Кэрилл оставил это без внимания, поскольку в тот момент его глаза были прикованы к леди, сидевшей во главе стола. Нежные чувственные губы и выражение мягкой задумчивости на лице теперь довершали тот образ, который он мельком увидел из окна своей комнаты наверху, и он вдруг подумал, что в тот момент встретились не только их взгляды, но и их души; он почувствовал, как сильно нуждается в ее присутствии, и ему страстно захотелось услышать звук ее голоса и бесконечно долго глядеть в ее ласковые карие глаза – короче говоря, с этой самой минуты он безнадежно влюбился в невесту своего брата, которому надо было отвечать на заданный им вопрос.

– Я в самом деле прибыл из Франции, – машинально проговорил он, не поворачивая к нему головы.

– Но вы не француз? – настаивал Ротерби.

Мистер Кэрилл наконец-то, оторвался от объекта своего восхищения и перевел взгляд на Ротерби.

– Я более чем наполовину француз, – ответил он, сознательно усиливая акцент в своей речи. – Но мой отец оказался англичанином.

Ротерби негромко рассмеялся, пожалуй, даже чуть презрительно. Никогда не путешествовавший за границу и не получивший хорошего образования, он относился с презрением ко всем иностранцам, будь то француз или, скажем, чернокожий обитатель островов южных морей: сам факт заморского происхождения делал всех чужеземцев в чем-то схожими друг с другом, что, в его глазах, перевешивало все остальные различия.

– Клянусь честью, сэр, вы весьма двусмысленно выражаетесь, – с оттенком надменности в голосе произнес Ротерби и вновь рассмеялся.

– Я рад, если мне удалось развлечь вашу светлость, – сказал мистер Кэрилл таким тоном, что у Ротерби мелькнула мысль, не издеваются ли над ним. – Я польщен тем, что вы пожелали видеть меня и прошу вас не извиняться за причиненные мне хлопоты.

На этот раз Ротерби показалось, что он услышал в его словах намек на не слишком вежливое обращение с его особой и, естественно, поспешил рассыпаться перед ним в благодарностях, чем мистер Кэрилл воспользовался, чтобы разглядеть остальных присутствующих: сидевшего за столом бледного испуганного священника и стоявшего в углу слугу его светлости, скромно одетого малого с проницательной физиономией и хитрыми бегающими глазами.

– Нам бы очень хотелось, – так закончил его светлость свою хвalebную речь, – чтобы ваша честь стали свидетелем нашего бракосочетания, – и он сделал легкий поклон в сторону леди.

– Хозяйка уже говорила мне об этом.

– Я надеюсь, подобная процедура не заставит вас поступиться своими принципами.

– Женильба? Вовсе нет; напротив, вот если бы она почему-либо не состоялась, тогда мне пришлось бы призадуматься.

Непринужденность, с которой была произнесена последняя фраза, успешно замаскировала смысл, который мистер Кэрилл вложил в нее, и Ротерби как ни в чем не бывало продолжал:

– Тогда нам лучше перейти к делу. Мы очень спешим.

– Совсем не удивительно, – заметил мистер Кэрилл, подходя вместе с его светлостью поближе к столу, за которым сидели невеста и священник.

– Вы знаете это по собственному опыту? – расхохотался милорд – слишком громко для человека его положения.

– Ваша светлость – сама пронизательность, – польстил ему мистер Кэрилл.

– Я вижу хитрецов насквозь, – согласно кивнул его светлость.

– А как насчет честных людей? Вы не пробовали на них свои способности? Впрочем, мы, наверное, испытываем терпение леди, – поспешил закончить он, и весьма своевременно, поскольку его светлость уже повернулся к нему, явно намереваясь спросить, что он имеет в виду.

– Да! Пора начинать, Дженкинс! Гэскелл! – позвал слугу Ротерби. – Иди сюда.

Его светлость занял свое место справа от бледной как полотно невесты, мистер Кэрилл встал рядом с ней, а Гэскелл, как и положено слуге, – возле своего господина.

Священник повернулся лицом к ним, готовясь начать церемонию, но, когда его глаза встретились с холодным, немигающим взглядом мистера Кэрилла, требник неожиданно выпал из его чуть подрагивавших рук. Мистер Кэрилл язвительно улыбнулся, наклонился, чтобы поднять книгу, и подал ее священнику. Тот принялся лихорадочно листать ее, словно позабыл нужное место, и эта забывчивость, как подумал мистер Кэрилл, все так же молча наблюдавший за ним, плохо вязалась с привычным образом священнослужителя, которому надлежало знать не только требник, но и многие службы, особенно такие частые, как венчания, чуть ли не наизусть.

Глава 3

Свидетель

Наконец мистер Дженкинс отыскал нужную ему страницу и, хорошенько прочистив горло, принялся гнусаво, с подвываниями читать:

– «Возлюбленные, мы собрались здесь пред лицом Господа...»

Мистер Кэрилл искоса взглянул на венчающихся. Он сразу отметил легкий румянец на щеках и блеск в глазах жениха, смущенно опущенную голову невесты и ее часто вздымавшуюся грудь и подумал, что это говорило о ее большом волнении.

Священник закончил, наконец, вводную часть, секунду помедлил и, словно обретя уверенность в своих действиях, возвысил голос, переходя к самому главному:

– Я спрашиваю вас и повелеваю вам отвечать, как в день Страшного Суда...

– Мне кажется, вы кое-что забыли, – вежливо прервал его мистер Кэрилл.

Его светлость недовольно фыркнул, и невеста, словно очнувшись, неожиданно подняла голову.

– Ч... что? – охваченный паникой пробормотал, заикаясь, мистер Дженкинс. – Что я забыл?

– По-моему, надо было прочитать указания, – сказал мистер Кэрилл, за что удостоился мрачного взгляда его светлости.

Мистер Дженкинс сперва побагровел, затем побледнел и, чуть не носом уткнувшись в книгу, слегка озадаченным голосом зачитал выделенные курсивом слова перед абзацем, к которому он было приступил:

– «И обращаясь к венчающимся, говорит им...»

Он вопрошающе взглянул на мистера Кэрилла, но тот отрицательно покачал головой, отвечая на его немой вопрос.

– Посмотрите ближе к началу, – посоветовал он мистеру Дженкинсу и, когда священник нерешительно послунывил свой большой палец, собираясь начать листать страницы, решил прийти к нему на помощь. – Насколько я помню, там говорится, что мужчина должен стоять справа от священника, а женщина – слева. А как они стоят у нас? Впрочем, возможно, вы левша, мистер Дженкинс?

– Разрази меня гром! – совсем не по-церковному воскликнул мистер Дженкинс. – Я слишком разволновался. Вашей светлости не следовало бы так подгонять меня. Этот джентльмен совершенно прав, и если бы не мое волнение... Мадам, прошу вас, поменяйтесь местами с его светлостью. И свидетели тоже.

Они встали, как им было велено, виконт сдержанно поблагодарил мистера Кэрилла, обстоятельно выбравил священника, и церемония началась заново.

Мистер Кэрилл был готов расхохотаться. Разве мог он представить, давая свое согласие на участие в этой церемонии, какое развлечение ожидает его? Однако он постарался не выдать владевшие им чувства, терпеливо дождался, пока мистер Дженкинс доберется до слов «Я спрашиваю вас, и повелеваю вам...» и как ни в чем не бывало заметил:

– Вы опять кое-что упустили.

– Дьявольщина! – не выдержал Ротерби, свирепо взглянув на мистера Кэрилла, и тот краешком глаза успел заметить, как невеста, услышав сорвавшееся с губ своего жениха проклятие, слегка отстранилась от него, и в ее глазах мелькнуло недоумение, быстро превратившееся сперва в уверенность, а затем в неподдельный страх.

– Вы несправедливы ко мне, – укоризненно отозвался мистер Кэрилл. – Я пекусь о ваших же интересах.

– Если так, то я буду весьма обязан вам, если вы сейчас же заткнетесь! – выпалил его светлость.

– В таком случае я буду обязан позаботиться о соблюдении интересов леди, – ответил мистер Кэрилл. – Раз уж вы захотели пригласить меня в свидетели вашего бракосочетания, мой долг состоит в том, чтобы оно было совершенно должно образом.

– Черт возьми, что вы имеете в виду? – раздраженно спросил его светлость.

Мистер Дженкинс, чувствуя, чем все это пахнет, предпринял отчаянную попытку спасти ситуацию.

– Милорд! – проблеял он. – Как знать, возможно этот джентльмен прав. Неужели... неужели я опять... – Тут он запнулся и повернулся к мистеру Кэриллу. – Так что, по-вашему, я сейчас пропустил?

– Время для совершения обряда, – ответил мистер Кэрилл, с удовольствием взирая на изумление, отразившееся на лицах Ротерби и мистера Дженкинса.

– Какое еще время? Что вы дурачите нас? – напустился на мистера Кэрилла его светлость.

– Задайте-ка лучше свой вопрос священнику, – посоветовал ему мистер Кэрилл.

Ротерби повернулся к Дженкинсу, но тот только беспомощно развел руками.

– Я не стану венчаться! – неожиданно выпалила невеста, и это были первые слова, произнесенные ею в присутствии мистера Кэрилла, который невероятно обрадовался этому, хотя трудно сказать, что произвело на него большее впечатление: ее здравый смысл и решительность или грудное низкое контральто ее мелодичного голоса.

– Скажите пожалуйста! – с наигранным изумлением воскликнул его светлость. – Гортензия, дорогая, стоит ли волноваться по пустякам?

– Я не стану венчаться! – презрительно взглянув на него, твердо повторила она и храбро вскинула голову.

– Даже при желании обвенчаться вам пришлось бы поискать другого священника, – решился высказать свое мнение мистер Кэрилл. – Впрочем, думаю, вы и сами уже поняли это.

По ее телу пробежала дрожь, и она еще больше побледнела, однако в ее глазах вспыхнул отчаянный огонек, и мистер Кэрилл невольно почувствовал к ней уважение.

Сжав кулаки и стиснув зубы, Ротерби в нерешительности стоял между ней и мистером Кэриллом. Дженкинс, вне себя от ужаса, безжизненно рухнул в кресло. Один Гэскелл, как и подобает хорошему слуге, сохранял полную невозмутимость и неподвижность, так что в возникшем смятении его вполне можно было принять за предмет обстановки.

– Вы слишком много себе позволяете, – с угрозой в голосе проговорил его светлость, поворачиваясь к мистеру Кэриллу.

– Что же именно? – поинтересовался мистер Кэрилл.

К такому вопросу Ротерби был явно не готов.

– О, проклятье! – пытаясь скрыть свое замешательство, выругался он. – Я требую, чтобы вы перестали изъясняться намеками. Говорите прямо, черт побери, иначе я заставлю вас сделать это.

Мистер Кэрилл обворожительно улыбнулся. Еще бы, комедии, подобной той, что сейчас разыгрывалась перед его глазами, он не помнил со времен своего студенчества в Оксфорде, а с тех пор минуло уже более десяти лет.

– Мне подумалось, – с добродушной непринужденностью начал он, – что почтенная хозяйка «Адама и Евы» превосходно исполнила роль ангела-хранителя невесты. Но давайте говорить начистоту, милорд Ротерби! – Галльский пыл мистера Кэрилла неожиданно прорвался наружу, и от его внешней чопорности не осталось и следа. – То, что вы затеяли здесь можно назвать как угодно, но только не венчаньем, и этот малый, – он ткнул пальцем в сторону Дженкинса, – никакой не священник и даже не бродячий проповедник. Мадам, – резко повернулся он к перепуганной девушке, – эти негодяи злоупотребили вашим доверием.

– Сэр! – услышав обвинения в свой адрес, оборвал его Ротерби. – Как вы смеее так говорить обо мне?

Но мистер Кэрилл не собирался отступать.

– Даже слепец, услышав, как лихорадочно мистер Дженкинс листает страницы догадался бы, что содержание книги ему незнакомо, – продолжал он, словно адресуя свои слова одной невесте и объясняя ей происходящее. – А теперь взгляните, – он подхватил со стола требник. – Совершенно новый, ни пятнышка на обресе. Наверняка его купили специально для этого богомерзкого предприятия!

– Попридержите-ка свой язык, сэр! – рявкнул его светлость.

– Но этот мошенник, называющий себя священником, даже не потрудился ознакомиться с приведенными там указаниями. Иначе, я уверен, он правильно расставил бы вас и знал бы, что вечер – не самое подходящее время для совершения бракосочетания.

– Я очень признательна вам, сэр, и, думаю, сейчас можно обойтись без излишних подробностей, – на удивление спокойным и холодным тоном произнесла она, и в ее глазах сверкнули искры праведного гнева.

Ротерби сообразил, что открытая ссора может окончательно все испортить.

– Вы прибыли из Франции, сэр, – высокомерно обратился он к мистеру Кэриллу. – Вы иностранец и потому вам многое простительно. Однако вы только что использовали выражения, которые любой человек моего положения сочтет оскорбительными для себя. Я вижу, вы вряд ли отдаете себя отчет в этом.

– Также как вы сами – в своем поведении, – парировал мистер Кэрилл, чувствуя, как в его душе поднимается волна ненависти к этому расфуфыренному ловеласу.

– О боже, сэр! Вы нагледете с каждой минутой. Ничего, я заставлю вас раскаяться в своей опрометчивости – и вас тоже, Гортензия.

– Интересно, как же вы намерены сделать это? – полюбопытствовал мистер Кэрилл.

– Гортензия, к чему этот дурацкий разговор, – обратился Ротерби к отпрянувшей от него Гортензии, сам удивляясь, насколько долго ему удастся сохранять самообладание. – Если этот человек... Ты обманул меня, мерзавец? – неожиданно рявкнул он и круто повернулся к ошарашенному неожиданным ходом его светлости Дженкинсу. – Это правда, что ты не поп?

Его светлость превосходно разыграл единственную оставшуюся в его распоряжении карту. Сделай он это чуть раньше, как знать, может быть, все сложилось бы совсем иначе.

– По-моему, у вас есть прекрасный способ убедить вашу невесту в серьезности своих намерений, – вставил мистер Кэрилл. – Покажите ей брачный контракт, который, надеюсь, вы не забыли захватить с собой, и она сразу поймет, что во всем виноват этот негодяй, который, позарившись на обещанную ему гинее и злоупотребив вашим доверием, ввел вас в заблуждение.

Ротерби с досады закусил губу: его последний козырь оказался битым. Но завсегда-тай клуба «Пламень Преисподней» да еще служивший в полку «Храбрых Зайцев» под началом его милости герцога Уортон отнюдь не собирался сдаваться без драки, в которой, без преуменьшения будет сказано, чувствовал себя, как рыба в воде.

– Жалкий интриган! Подлый мошенник! – набросился он с проклятиями на мистера Кэрилла. – Что ты лезешь не в свое дело?

– Меня, кажется, просили быть здесь свидетелем, – напомнил ему мистер Кэрилл.

– Да, черт побери! – кипел Ротерби. – И лучше бы сначала я откусил свой язык.

– Кто бы тогда порадовал нас перлами изысканного красноречия? – вздохнул мистер Кэрилл, возводя глаза к потолку.

Ротерби поперхнулся от изумления.

– Ты дурак или выживший из ума актер? – с вызовом спросил он.

– Джентльмен, смею надеяться, – учтиво ответил мистер Кэрилл. – А вот кто вы?

– Сейчас узнаешь! – выпалил его светлость и схватился за шпагу.

– Так я и думал, – невозмутимо произнес мистер Кэрилл, борясь с распиравшим его хохотом. – Забияка и хвастун!

Изрыгая проклятья, Ротерби двинулся на безоружного мистера Кэрилла, чья шпага осталась наверху. Кто бы мог подумать, что она потребуется ему во время венчания?

Не веря своим глазам, он неподвижно стоял и глядел на приближавшегося к нему Ротерби. Готовясь к выпадку, его светлость медленно поднял руку со шпагой, на секунду замер, словно выбирая место удара, и мистер Кэрилл внутренне собрался, готовясь к прыжку.

– Сейчас ты замолчишь навсегда, мерзкий...

Но Ротерби не дали произнести свой приговор до конца. За его спиной послышался легкий шорох и прежде, чем он успел сообразить, что происходит, шпагу вырвали из его руки, и он услышал гневный голос Гортензии:

– Грязный пес!

Снаружи, со двора гостиницы, донесся стук копыт и скрип колес подъехавшего экипажа, но в суматохе никто не обратил на это внимания. Гортензия замахнулась шпагой, словно хлыстом, и изо всех сил дважды ударила ею наотмашь его светлость. Тот успел прикрыть лицо руками, и на одной из них появился рубец, узкий и обильно кровоточащий. На третий раз клинок зацепился за стол и переломился. Гортензия с презрением отшвырнула обломок ставшей ненужной теперь шпаги и решительно шагнула к мистеру Кэриллу. Ротерби, с перекошенным от боли лицом, даже не пошевелился, чтобы задержать ее.

– Заберите меня отсюда, сэр, умоляю вас, – сдавленно произнесла она, и в ее голосе слышались рвущиеся наружу рыдания.

Мрачное лицо мистера Кэрилла неожиданно прояснилось.

– Ваш покорный слуга, мадемуазель, – с поклоном сказал он и предложил ей руку. – Я от всей души одобряю ваше решение.

Они направились к выходу, но не успели сделать и двух шагов, как дверь неожиданно распахнулась, и на пороге комнаты возник дородный пожилой мужчина. Гортензия замерла, как вкопанная, и, к немалому удивлению мистера Кэрилла, залилась слезами.

Блеклые голубые глаза незнакомца обежали комнату, и изменившееся выражение его лица лучше всяких слов говорило, что он догадался, какая драма разыгралась здесь.

– Прекрасно! – язвительно произнес он. – Мне можно было и не спешить. Я вижу, что она вовремя разобралась в твоих проделках, негодяй!

При звуке его голоса Ротерби, до этого момента неподвижно стоявший спиной к двери, резко обернулся.

– Отец! – воскликнул он, отступая на шаг.

Мистер Кэрилл почувствовал, что готов рухнуть на пол; потрясение и впрямь было велико: перед ним, в двух шагах, стоял его родной отец.

Глава 4

Мистер Грин

Торопливо застучали каблучки по дощатому полу, и Гортензия оказалась в объятиях лорда Остермора.

– Простите меня, милорд! – рыдала она. – Ради бога, простите. Я вела себя, как дура, и уже довольно наказана за свое легкомыслие.

– Ну, ну, не надо, – успокаивающе похлопывая ее по плечу, ворчал граф, и мистер Кэрилл, к своему немалому удивлению, услышал ласковые нотки в его голосе, бесцветном и сипловатом, редко выражавшем какие-либо эмоции, за исключением, пожалуй, гнева. Лорда Остермора еще вполне можно было назвать красавцем-мужчиной. Он был чуть выше среднего роста, слегка располневший, с короткой бычьей шеей, но с лицом румяным и сохранившим, несмотря на возраст, юношескую правильность черт; у всякого, впервые видевшего лорда Остермора, возникало ощущение, что его железное здоровье может сломить только апоплексический удар.

У него были ярко-голубые глаза, тяжелые слегка припухлые веки и линия рта, выдававшая, как критически отметил мистер Кэрилл, человека скорее глупого, чем чувственного.

Граф взглянул через голову Гортензии на своего сына, и его кустистые, тронутые сединой брови угрожающе сошлись на переносице.

– Негодяй! – заорал он. – Проклятый негодяй! – повторил он и, словно разочарованный своей же неизобретательностью в бранных выражениях, переключил свое внимание на девушку и погладил ее по волосам. – Как я рад, что ты раскусила этого подлеца прежде, чем вышла за него замуж, как я рад!

– То, что с ней произошло вполне можно назвать чудом, – заметил мистер Кэрилл.

– Что? – удивленно поднял голову лорд Остермор. – А вы кто такой, черт возьми? Один из его приятелей?

– Ваша светлость буквально засыпали меня вопросами. На какой из них прикажете ответить первым? – с серьезной миной на лице отозвался мистер Кэрилл и низко поклонился.

Лорд Остермор озадаченно уставился на него – его светлость с большим трудом воспринимал иронию и юмор.

– Этот джентльмен спас меня, милорд, – прерывая свою речь всхлипываниями, пояснила Гортензия.

– Спас тебя? – не понял граф. – Как же он умудрился спасти тебя?

– Он разоблачил лжепопа.

– Именно так, ваша светлость, – мистер Кэрилл решил прийти на помощь лорду Остермору, видя, что тому не по силам справиться с головоломкой. – Я имел честь обнаружить, что этот священник отнюдь не тот, за кого выдает себя.

– А кто же он тогда? – еще больше помрачнел лорд Остермор.

– Мошенник, нанятый милордом Ротерби сыграть роль священника, – высвободившись из объятий его светлости, заявила Гортензия. – А я, по своей наивности, поверила ему, да простит меня Господь Бог, – она метнула на виконта гневный взгляд, и ее лицо залилось краской стыда. – О, какой позор, какой стыд! – воскликнула она, задыхаясь от негодования. – Если бы у меня был брат, он бы отомстил за меня!

Лорд Остермор побагровел от гнева.

– Разве я не предупреждал тебя, Гортензия? – сдавленным голосом произнес он. – Кто же лучше отца знает собственного сына, этого мерзавца? Почему ты осталась глуха к моим увещаниям?

Ротерби, которому Гэскелл успел, тем временем, обработать и перевязать рану, мрачно взглянул на своего отца из-под густых черных бровей.

– Ваша светлость может винить во всем только самого себя, – тщетно пытаюсь сохранить самообладание, сказал он.

– О, наглец! – прохрипел лорд Остермор, и на его висках обозначились вены. – По-твоему, я виноват в том, что ты увез ее? Клянусь честью, если бы вы с ней сочетались законным браком, я нашел бы в себе силы простить тебя, но после твоей выходки... Как только у тебя хватило ума сыграть такую грязную шутку с этой невинной девочкой, совсем еще ребенком?

Услышав эти слова, мистер Кэрилл вспомнил о другой невинной девочке, которая стала его матерью, и горько усмехнулся в душе, посетовав о людской забывчивости.

– Ваша светлость угрожали лишить меня наследства, если я женюсь на ней, – не уступал Ротерби.

– Только для того, чтобы уберечь ее от тебя, – пояснил ему лорд Остермор. – А ты думал, что я хотел... О, боже! Я не верю своим ушам: ты еще осмеливаешься перечить мне.

– Идемте отсюда, милорд, – взмолилась Гортензия, коснувшись руки лорда Остермора.

– Да, нам лучше уйти, – согласился граф, привлекая девушку к себе. – А для тебя дело этим не кончится! – он резко выбросил руку в сторону Ротерби, словно проклиная своего сына. – Я сдержу свое слово. Ты не дождешься от меня ни пенни. Ты сдохнешь с голоду, как паршивая собака, и мир станет чище без такого мерзавца, как ты. Я – я отрекаюсь от тебя. Ты мне больше не сын, клянусь своей честью!

Мистер Кэрилл подумал, что лорд Остермор сильно заблуждается, и Ротерби идет прямо по стопам своего отца. И еще он сделал вывод, что грешники, к своему счастью, наделены короткой памятью.

– Вы собираетесь оставить меня без наследства? – презрительно усмехнулся Ротерби. – Интересно было бы узнать, без какого? Ходят слухи, что вам самому очень кстати было бы оказаться сейчас чьим-нибудь наследником, чтобы выпутаться из финансовых затруднений. – Он пожал плечами, с беззаботным видом достал из кармана табакерку, открыл ее и элегантно жестом поднес к носу. – Не в вашей власти лишить меня родового имения, – добавил он.

– Что ты сказал? Родового имения? – расхохотался лорд Остермор, и его смех, казалось, не предвещал ничего хорошего. – Ты когда-нибудь задумывался, что средств, которые ты с него получишь, не хватит тебе даже... даже на понюшку табаку!

Ротерби тупо уставился на отца, и от его насмешливой чопорности не осталось и следа.

– Милорд... – начал было он, но граф уже повернулся к нему спиной.

– Идем, дитя мое, – с достоинством обратился он к Гортензии. – О черт! – В следующую секунду воскликнул он. – Я совсем забыл про попа! Я упеку его на каторгу! Я добьюсь, чтобы его вздернули. Ну-ка, иди сюда!

Но мистер Дженкинс, игнорируя приглашение, по-крысиному испуганно прошмыгнул через комнату, вскочил на сиденье лавки, стоявшей возле распахнутого окна лавки, и выпрыгнул наружу. Он приземлился прямо на спину скрючившегося под окном мистера Грина, оба покатались по траве, и мистер Дженкинс завизжал, словно попавшийся в капкан кролик.

– Ш-ш! Заткнись! – прошипел мистер Грин в ухо лжесвященнику и, чтобы придать вес своим словам, сунул кулак ему под нос. – Мне до тебя нет никакого дела. Лежи тихо!

Неожиданный побег мистера Дженкинса застал всех врасплох, и прошла, наверное, целая минута, прежде чем лорд Остермор сделал движение, словно собираясь направиться к окну, но Гортензия удержала его.

– Пусть удирает, – сказала она. – Он был всего лишь орудием в руках виконта, – она метнула испепеляющий взгляд на Ротерби и повернулась к скромно стоявшему в сторонке мистеру Кэриллу. – Я очень благодарна вам, мистер Кэрилл, – сказала она, – и я надеюсь, что милорд испытывает к вам те же чувства.

– Прошу вас не придавать значения таким пустякам, – учтиво поклонился ей мистер Кэрилл. – Это я ваш должник, мадемуазель.

– Ваше имя Кэрилл, сэр? – переспросил граф, по-своему обыкновению придавая значение второстепенным деталям.

– Да, ваша светлость, я имею честь быть вашим однофамильцем.

– Вы, скорее всего, принадлежите к младшей линии нашего рода?

– К побочной линии, скажем так, – уточнил мистер Кэрилл, скрывая горечь иронии невозмутимостью своего тона.

– А как вы очутились здесь?

– Его светлости потребовался еще один свидетель, – пояснил мистер Кэрилл. – Узнав, что в гостинице проездом остановился джентльмен из Франции, он, вероятно, решил воспользоваться его услугами, поскольку...

– Значит, вы только что прибыли из Франции? – не дал ему закончить граф. – А вы случайно не ко мне ехали, мистер Кэрилл?

Мистер Кэрилл искоса взглянул на Ротерби и в глубине души проклял тупость лорда Остермора. Не хватало только, чтобы и этот прохвост оказался одним из заговорщиков. Что тогда их всех ждет!

– С чего вы взяли, ваша светлость? – осведомился у лорда Остермора мистер Кэрилл и непринужденно рассмеялся.

Граф заметил взгляд, брошенный мистером Кэриллом на Ротерби и, видимо вспомнив, что речь шла о деле государственной важности, попытался загладить промах.

– Нет, конечно нет, ну конечно же нет, – неловко промямлил он.

Но от Ротерби не укрылись все эти переглядывания, недомолвки и странная перемена, неожиданно произошедшая в его отце.

– Черт побери, о чем это вы секретничаете? – поинтересовался он.

– Как можем о чем-то секретничать? – неловко разыграл недоумение лорд Остермор.

– Вот это мне и хотелось бы узнать, – настаивал Ротерби. – Ну-ка, сэр, – обратился он к мистеру Кэриллу, – выкладывайте, кто послал вас сюда из Франции и что все это...

– Ротерби! – грубо оборвал граф неуместные словоизлияния своего сына, и тот замер с раскрытым от изумления ртом. – Идемте, мистер Кэрилл, – поспешно добавил он. – Я не желаю, чтобы этот нахал оскорблял вас в присутствии моей подопечной. Идемте же, сэр!

Они уже двинулись к выходу, когда за их спинами раздался незнакомый повелительный голос:

– Не спешите! Не спешите, эй!

Все, как по команде, повернулись в сторону окна, откуда раздался голос, и увидели круглолицего маленького человечка, оседлавшего подоконник и державшего в руке пистолет.

– Ха! – любезно улыбнувшись, поприветствовал его мистер Кэрилл, единственный из всех, кто не растерялся, увидев непрошеного гостя. – А вот и наш пивовар.

– Всем оставаться на своих местах, – почти торжественно произнес мистер Грин, сунул два пальца в рот и по-разбойничьи свистнул, а затем легко перемахнул через подоконник в комнату.

– Сэр! – возмутился граф. – Что это за вторжение? Чего вы хотите?

– Взглянуть в бумаги этого джентльмена, – мистер Грин указал пистолетом на мистера Кэрилла, и Ротерби прикрыл рот рукой, словно хотел спрятать улыбку.

– Вот так-то совать нос не в свои дела, – злорадно проворчал он.

– Я не советую вам сопротивляться, – продолжал тем временем мистер Грин, обращаясь к мистеру Кэриллу. – Вытаскивайте ваше письмо, да побыстрее!

– Сопротивляться? Как вы могли заподозрить меня в таком неуважении к вам, мистер Грин, – ответил ему мистер Кэрилл. – Позвольте только узнать, для чего вам понадобились

мои бумаги, или, быть может, я опять лезу не в свое дело, в чем меня только что упрекнул его светлость?

Спокойствие мистера Кэрилла заставило Ротерби прикусить язык.

– Я выполняю личное приказание государственного секретаря лорда Картерета, – сказал мистер Грин, в упор глядя на мистера Кэрилла. – Мне поручено следить за джентльменом, который должен привезти лорду Остермору письмо из Франции. Об этом сообщил курьер, который неделю назад приезжал к нему, и которого нам удалось схватить. Эта история очень заинтриговала милорда Картерета; он решил хорошенько разобраться в ней, и как мне кажется, мы уже нашли того, кто нам нужен.

Мистер Кэрилл смерил его насмешливым взглядом и расхохотался.

– Жаль, что вы не перекрестились, когда вам это показалось: вы избавили бы себя от лишних хлопот, – сыронизировал мистер Кэрилл.

Мистер Грин на мгновение смутился, но ему, по всей видимости, случилось иметь дело с хладнокровными людьми, и он быстро взял себя в руки.

– Напрасно вы ломаете комедию, – сказал он. – Давайте-ка лучше письмо, мистер.

В этот момент распахнулась дверь, и в комнату вошли двое мужчин, за спинами которых мистер Кэрилл успел заметить мелькнувшее в дверном проеме покрасневшее встревоженное лицо хозяйки. С первого взгляда в них нетрудно было признать судебных приставов. На одном из них был измочаленный парик, наверняка бывшая собственность какого-нибудь лакея, пришедшая в негодность и отвергнутая, а затем приобретенная по дешевке где-нибудь на Розмэри-Лэйн; другой вообще был без парика, и грязные пряди его соломенного цвета волос лезли во все стороны из-под выдавшей виды шляпы, которую он даже не удосужился снять и которую лорд Остермор сбил с его головы отменно-точным ударом своей трости. У обоих были заросшие недельной щетиной щеки и носы бутылкой, толстые, распухшие и красные.

– Ну? – спросил мистер Грин. – Вы сами выложите письмо или его придется достать? – Он махнул рукой блюстителям закона, предлагая им начинать обыск.

– Вы забываетесь, сэр, – возмутился лорд Остермор.

– Вот именно, – поддакнул мистер Кэрилл. – Неужели вы считаете, что джентльмен позволит обыскать себя всякому проходимцу, утверждающему, что он полномочный представитель государственного секретаря?

Мистер Грин неприятно усмехнулся, достал из кармана документ и протянул его мистеру Кэрилли.

– Вот ордер, с подписью и печатью лорда Картерета.

Мистер Кэрилл презрительно взглянул на бумагу.

– Но он не заполнен, – заметил он.

– Верно, – согласился мистер Грин. – *Carte blanche*⁵, как говорят у вас во Франции. Однако если вы настаиваете, я впишу в него ваше имя прежде, чем мы приступим к делу.

– Что ж, сделайте милость, – пожал плечами мистер Кэрилл.

Мистер Грин подошел к столу, на котором стояли письменные принадлежности, приготовленные для регистрации брака. Он взял перо, обмакнул его в чернильницу, нацарапал на пустом месте документа нужное имя, промокнул надпись и продемонстрировал результат мистеру Кэрилли.

– Отлично. В таком случае я не стану испытывать терпение ваших достойных помощников, – удовлетворенно произнес он и принялся выкладывать на стол документы, находящиеся при нем.

---

⁵ Carte blanche (фр.) – карт-бланш.

Лорд Остермор, ошеломленный уступчивостью мистера Кэрилла, только молчаливо взирал на происходящее, однако во взгляде Гортензии мистер Кэрилл прочитал нескрываемое презрение, и это несколько задело его самолюбие.

Мистер Грин быстро перелистал предъявленные ему бумаги, и при этом, словно желая чем-нибудь скрасить свое малоприятное занятие, отпускал шуточки, которые, вероятно, весьма высоко ценились его коллегами.

– Ха! Это что? Счет? Счет за табак! Ваше дело – действительно табак. Милорд Картерет сначала перемелет вас в порошок, затем половину превратит в дым, а другую половину – упрячет в табакерку. Фу! – скорчил он гримасу – Стихи! «Феокриту по случаю отплытия в Альбион». Очень кстати! Вы случайно не балуетесь стишками, сэр?

– Еще бы! В минуты слабости мне трудно удержаться от рифмоплетства, так что будьте уж снисходительны ко мне, мистер Грин.

Мистер Грин уловил слабый намек на иронию в его словах, довольно ухмыльнулся и продолжал досмотр. Однако когда он прочитал содержание последней из бумаг, предъявленных ему мистером Кэриллом, это вызвало у него совсем другую реакцию.

– Вы рассчитываете одурачить меня? – покраснев от ярости завопил он. – Зачем вы подсунули мне весь этот хлам?

Лорд Остермор украдкой перевел дух, и даже взгляд Гортензии несколько смягчился.

– Я приношу свои искренние извинения, если содержимое моих карманов разочаровало вас, – сказал мистер Кэрилл. – Вам следовало заранее предупредить меня о своих намерениях. Вот тогда я бы...

– Послушайте, сэр, – раздраженно перебил его мистер Грин. – Я представляю здесь правительство Его Величества.

– Мне трудно подобрать слова, выражающие мое восхищение слугами Его Величества, ответил неугомонный мистер Кэрилл.

– Вы издеваетесь надо мной! – грохнул кулаком по столу мистер Грин.

– Вы опрокинули чернильницу, – укоризненно произнес мистер Кэрилл.

– К черту чернильницу, и перестаньте паясничать! – выругался сыщик. – Я еще раз спрашиваю вас: зачем вы подсунули мне этот хлам?

– Но вы же сами просили меня вывернуть карманы?

– Мне нужно было только письмо, которое вы везли для лорда Остермора.

– Вынужден вас разочаровать, – сочувственно ответил мистер Кэрилл. – Перед собой на столе вы видите все, что я мог предложить вам. Смею надеяться, что мои усилия не останутся без вознаграждения.

Мистер Грин оценивающе взглянул на него.

– Черт побери, сэр! – взорвался он. – Вам не откажешь в хладнокровии.

– Жаль, что судьба была менее благосклонна к вам.

– Вы хотите сказать, что не везли с собой никаких писем его светлости? – с угрозой в голосе проговорил сыщик. – Для чего, тогда вы приехали в Англию?

– Учиться манерам, сэр, – с поклоном ответил мистер Кэрилл.

Это оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения мистера Грина.

– Обыскать его, – махнул он рукой бейлифам.

Готовые исполнить приказание своего начальника, приставы с угрожающим видом двинулись на мистера Кэрилла, однако тот исполненным достоинства жестом отстранил их, и его глаза недобро блеснули.

– Минуточку! – воскликнул он. – Это переходит все границы. Я возражаю против того, чтобы лапы этих дармоедов касались меня.

– Клянусь, вы совершенно правы! – вскричал лорд Остермор. – Эй вы, грязный шпик, так не обращаются с джентльменами! Убирайтесь отсюда вон и прихватите с собой своих подручных, иначе мои слуги хорошенько отделают вас.

– Это вы мне, представителю государственного секретаря? – взревел мистер Грин.

– Покричите еще на меня, и вы очень скоро станете представлять собой зрелище не только печальное, но и поучительное, – пообещал ему граф. – Да как вы смеете смотреть мне в глаза? Вам известно, кто я? И хватит размахивать своим пистолетом! Вон отсюда!

Мистер Грин задрожал и позеленел от гнева.

– Если я буду вынужден уйти, как вы думаете, что я сообщу милорду Картерету? – спросил он.

– Это меня не касается, сэр.

– Боюсь, что тут вы ошибаетесь, милорд.

– Он прав, – вмешался мистер Кэрилл. – Если ваша светлость впутается в эту историю, это только сыграет им на руку. Пускай себе обыскивают меня. Но сначала будьте любезны позвать моего слугу, – обратился он уже к мистеру Грину. – Он поможет мне раздеться и передаст вам мою одежду для осмотра. Согласны?

Мистер Грин вновь смерил мистера Кэрилла оценивающим взглядом и сделал знак одному из приставов.

– Приведите его слугу, – велел он.

– Прекрасно, – сказал мистер Кэрилл. – Но не слишком ли многое вы себе позволяете? Боюсь, вы плохо представляете себе, чем чревато неоправданное вторжение в личную жизнь джентльмена. Ваш долг, как мне кажется, заключается в том, чтобы арестовать меня и сопроводить к лорду Картерету, где меня и обыщут, если сочтут необходимым.

– Не беспокойтесь, я лучше знаю, как мне исполнять свой долг; пока у меня на руках не окажется веских доказательств вины, я не имею права никого арестовывать.

– Ваша логика безупречна.

– Я всего лишь руководствуюсь указаниями милорда Картерета.

– Однако вы уже задержали меня. Разве это не равносильно аресту?

Мистер Грин даже не удостоил его ответом, а поскольку в этот момент в комнату вошел Ледюк, то мистер Кэрилл переключил свое внимание на лорда Остермора.

– На вашем месте я не стал бы мешкать тут, – сказал он. – Подобная процедура... да еще в присутствии леди... – он многозначительно посмотрел на графа.

Лорда Остермора никогда нельзя было упрекнуть в чрезмерной заботливости, когда дело касалось малознакомых ему людей, и сейчас он, казалось, заколебался. Однако Гортензия вмешалась прежде, чем он успел рот раскрыть.

– Мы подождем вас, сэр, – пообещала она. – Вы ведь тоже едете в Лондон, не так ли?

Мистер Кэрилл взглянул в огромные карие глаза девушки и в знак благодарности поклонился ей.

– Если его светлость не возражает, я сочту за честь составить вам компанию.

– Нет-нет, – несколько грубовато отозвался лорд Остермор, – конечно же, мы подождем вас.

– А что здесь делают эти джентльмены? – спросил мистер Кэрилл у мистера Грина, когда за графом и его подопечной закрылась дверь, и кивнул в сторону расположившегося в кресле Ротерби и Гэскелла, с отсутствующим видом стоявшего возле своего господина.

Смуглое лицо Ротерби исказилось ухмылкой.

– С вашего позволения, мистер Грин, я хотел бы остаться и помочь вам. У меня есть свои причины поквитаться с этим человеком.

Мистер Кэрилл повернулся к нему спиной, снял свой камзол и жилет и сел на стул, с любопытством наблюдая за действиями мистера Грина. Сыщик разложил одежду на столе, еще

раз проверил содержимое карманов, отвернул обшлага рукавов, а затем аккуратно по шву, стараясь не повредить ткань, отпорол атласную подкладку.

У мистера Кэрилла мелькнула мысль: а не отдать ли сыщику письмо и не покончить ли сразу с этой авантюрой, в которую его втянул сэр Эверард? Ему на мгновение – на одно только мгновение – показалось, что такой жертвой он искупит цену предательства и избавится от угрызений совести, мучавших его в последнее время.

Однако уже в следующую секунду он обругал себя за слабость, правда, вовсе не потому, что укрепился в намерении, ради которого приехал в Англию, – в глубине души он лелеял надежду, что ему никогда не придется исполнять его. И кроме того, ему захотелось поближе познакомиться с членами странной семьи, с которыми судьба так неожиданно столкнула его.

Тем временем Ротерби подошел к столу и, взяв одежду, которая уже побывала в руках мистера Грина, подверг ее тщательному осмотру.

– Ищите лучше, – усмехнулся мистер Грин. – А вас, сэр, я попрошу снять туфли, – обратился он уже к мистеру Кэриллу.

Мистер Кэрилл молча повиновался. Мистер Грин ловко отделил подкладку туфель от кожи и длинной спицей тщательно исследовал пространство между ними, а затем внимательно оглядел каблуки со всех сторон.

– Теперь ваши бриджи, – отрывисто бросил мистер Грин, отложив в сторону туфли.

За бриджами последовали рубашка из тонкого полотна, затем чулки и все остальные детали туалета, так что в конце концов мистер Кэрилл предстал перед сыщиком нагишом, словно Адам перед изгнанием из Рая. Впрочем, как и праотец, он не долго оставался в таком виде: по мере того, как сыщик откладывал, одну за другой, одежды мистера Кэрилла в сторону, проворно орудовавший иглой Ледюк возвращал их отремонтированными своему господину.

– Вы удовлетворены? – вежливо поинтересовался мистер Кэрилл, когда досмотр его личных вещей завершился.

Сыщик задумчиво посмотрел сначала на него, а затем перевел взгляд на Ледюка.

– Я обыщу вашего слугу, – заявил он.

– И не забудьте мой чемодан в комнате наверху, седло на моей лошади в конюшне. Рекомендую вам также не обойти вниманием мои зубы: вдруг парочка из них полые? Искать так уж искать.

Мистер Грин вновь взглянул на мистера Кэрилла и направился к молчаливо-безучастному Ледюку.

– Мы не зря приехали в эту страну Ледюк, – сказал мистер Кэрилл, когда его слугу начали обыскивать. – Где еще мы набрались бы такого опыта, где научились бы таким манерам? Разве нам приходилось видеть во Франции, как благородный дворянин предлагает судебному приставу помочь в его работе? Заметь, он делает это добровольно, без всякого принуждения. Боюсь, что французские аристократы многое теряют, не позволяя себе время от времени забывать о своем происхождении; да и что такое само происхождение, как не игра случая, слепая и весьма сомнительная?

Ротерби оторвался от своего занятия, и его смуглое лицо еще больше потемнело.

– Вы имеете в виду меня, сэр? – поинтересовался он. – Да как вы осмеливаетесь обсуждать меня со своим лакеем в моем присутствии?

– А почему бы и нет? Вы же помогли сыщику обыскивать меня. Есть ли тут разница?

– Ваша дерзость оскорбительна! – заявил он, с трудом сдерживаясь. – Впрочем, сейчас не время и не место говорить обо всем этом, но я обязательно разыщу вас, и мы продолжим наш диалог, – пообещал он.

– Не сомневаюсь, что Ледюк будет всегда рад видеть вас. Смею надеяться, что к тому времени он успеет подучиться манерам, – чуть улыбнулся мистер Кэрилл.

– Мы скоро выясним, в чем еще, кроме болтовни, вы искусны, – с угрозой произнес Ротерби, никак иначе не отреагировав на оскорбительный намек мистера Кэрилла.

– Не знаю, как насчет других талантов, но как оратор, смею утверждать, вы нигде не снискали бы себе лавров. Впрочем, возможно, я чересчур требователен к его светлости, а, Ледюк?

– Нет, с меня хватит! – взорвался виконт и, щедро рассыпая проклятья в адрес мистера Кэрилла, вышел вон, а вслед за ним последовал и Гэскелл.

Глава 5

Лунный свет

Хладнокровие, проявленное мистером Кэриллом при обыске, внушило лорду Остермору мысль, что никакого письма при себе у его однофамильца действительно не было. Впрочем, лорд Остермор никогда не отличался особой проницательностью, и неудивительно, что, оставшись с Гортензией наедине в гостиной, куда их сопровождала хозяйка, он сосредоточился на предмете, который, по его мнению, сейчас заслуживал куда большего внимания.

– Гортензия, – по-отечески пожурил он свою подопечную, – ты вела себя глупо, чрезвычайно глупо.

– Вы думаете, я не знаю этого? – со слезами в голосе ответила она, не поднимая головы и всей своей позой показывая, что ей хотелось бы помолчать и привести в порядок свои расстроенные чувства.

Трудно сказать, уловил ли граф поданный ему намек, а если и уловил, то упрямство взяло у него верх над чувством такта, поскольку он, как ни в чем не бывало, задал следующий вопрос:

– Что же подтолкнуло тебя совершить столь опрометчивый поступок?

– Миледи Остермор, – резко повернувшись к нему, почти выкрикнула она.

Наступило неловкое молчание. В глубине души граф терпеть не мог свою жену, и причина тому была проста: леди Остермор управляла им, как хотела, не считаясь ни с его чувствами, ни с его желаниями и при всяком удобном случае не стеснялась выказывать ему свое презрение. В целом мире она была единственным человеком, кто вел себя по отношению к нему подобным образом, и началось все это после рождения их единственного сына, этого негодного жестокосердного Ротерби, в котором она души не чаяла. Однако лорд Остермор оставался по-своему верен жене, никогда не жаловался на нее и не позволял дурно отзываться о ней в его присутствии: гордость воспрещала ему выносить сор из избы и выставять себя на посмешище любителям позлословить. Вот и теперь, услышав сердитое восклицание Гортензии, он нахмурился и замолчал: меньше всего ему хотелось оказаться втянутым в склоку между леди Остермор и мисс Уинтроп, к которой он питал, надо отдать ему должное, почти отеческие чувства.

Гортензия, однако, почувствовала, что сказала чересчур многое, чтобы остановиться на этом.

– Ее светлость постоянно попрекала меня моей нищетой, – продолжала она. – Видя, как со мной обращаются, даже слуги перестали относиться ко мне с уважением, которое обязаны испытывать к дочери вашего покойного друга, милорд.

Лорд Остермор неловко переступил с ноги на ногу, проклиная себя за то, что своим неосторожным вопросом спровоцировал целый поток жалоб. Он прекрасно знал методы, которыми пользовалась его супруга, однако все же сделал попытку перехватить инициативу.

– Не надо, дитя мое, все это чистой воды фантазии, – проворчал он. – Ну что особенного могла сказать ее светлость?

– Миллион колкостей! – горячо воскликнула Гортензия. – Ни одна из них сама по себе не заслуживает внимания, но терпеть ее постоянные полунамeki, косые взгляды, пожимания плечами, усмешки и выговоры по мелочам оказалось выше моих сил.

– Ее светлость бывает иногда вспыльчива, – примиряюще согласился граф, – но у нее отзывчивое чуткое сердце, Гортензия.

– Которое превосходно чувствует уязвимые места других людей и пользуется этим, – возразила Гортензия.

– О нет. Клянусь, ты не справедлива к ней. Ты рассуждаешь чисто по-женски.

– А как прикажете мне рассуждать? Грубо и вульгарно, как делает это миледи Остермор?

– Перестань, Гортензия. Это все вздор, – вздор, говорю я тебе. Ты слишком возбуждена. И потом, разве это повод, чтобы убегать из дома?

– А разве нет? – с негодованием в голосе откликнулась она. – Ее светлость сделала мою жизнь несносной до такой степени, что у меня не оставалось иного выхода. Я по натуре своей не мученица, я, как верно заметила их светлость, всего лишь слабая женщина.

– Любящая, к тому же, поговорить, – не удержался от замечания лорд Остермор.

– Поэтому, когда лорд Ротерби предложил мне убежать вместе с ним, я увидела в этом единственный способ избавиться от кошмара, в который превратилось мое и без того унылое существование, – не обращая внимания на сарказм его светлости продолжала Гортензия. – Он утверждал, что, несмотря на всю вашу любовь ко мне, вы никогда не согласитесь на наш брак, но если мы поженимся тайно, то сможем рассчитывать на ваше прощение и благословение. Я проявила слабость милорд, женскую слабость – мне показалось, что я люблю лорда Ротерби. И вот... и вот...

Не в силах более сдерживаться, она залилась слезами и отвернулась от него. Лорд Остермор был явно растроган; он подошел к ней и ласково положил руку ей на плечо.

– Но... но причем здесь этот лжесвященник?

– А разве вы, ваша светлость, не догадываетесь? Мне стыдно даже подумать об этом.

– Догадываюсь ли я? – на секунду задумался граф. – Пожалуй, нет.

– Вспомните, ваша светлость, реакцию милорда Ротерби, когда он узнал о ваших стесненных обстоятельствах, – горько улыбнувшись, пояснила она. – Он не боится остаться без наследства, ему достаточно того, что он унаследует ваш титул. Милорд Ротерби чрезвычайно высоко ценит себя. Будь у меня хорошее приданое, мы непременно поженились бы, но он, видимо, рассчитывает на более выгодную партию, и, чтобы удовлетворить свою низменную страсть, он решил... О боже! Я не в силах говорить!

Лорд Остермор в сердцах выругался.

– Это ему даром не пройдет! – пообещал он.

– Господь накажет его, я не сомневаюсь, – с уверенностью в голосе отозвалась девушка, но лорд Остермор, никогда особо не полагавшийся на вмешательство свыше, с сомнением взглянул на нее.

– Я лишу этого щенка наследства, – заявил он. – Отныне ноги его не будет в моем доме, и его присутствие не будет оскорблять тебя, напоминая о случившемся. Слава богу, ты вовремя раскусила этого прохвоста! – восторженно добавил он. – Твоей проницательности позавидует любой адвокат.

– Если бы не мистер Кэрилл... – начала она, но он не дал ей закончить.

– Мистер Кэрилл! – со страхом в голосе воскликнул он. – Господи помилуй, где же он? Неужели... неужели...

В этот момент дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился мистер Кэрилл, как всегда безупречно элегантный, чем, на сей раз, был обязан исключительно мастерскому владению иглой Ледюка. Лорд Остермор и Гортензия одновременно повернулись к нему.

– Они нашли что-нибудь? – сдавленным голосом спросил его светлость.

Мистер Кэрилл легкой изящной походкой приблизился к ним.

– Мне кажется, что само мое присутствие здесь лучше всяких слов дает ответ на ваш вопрос, милорд. Добавлю к этому лишь, что мистер Грин скоро уезжает. Он очень удручен своей неудачей, и хотя я искренне сочувствую ему, я, однако, пообещал, что пожалуюсь милорду Картерету.

– Значит, у вас в самом деле нет никакого письма? – искренне изумился его светлость.

Мистер Кэрилл бросил быстрый взгляд через плечо на дверь и заговорщически подмигнул графу.

– Если ваша светлость ожидает каких-то известий, почему вы решили, что их привезу именно я? – осведомился он. – Боюсь, что вы меня с кем-то спутали.

Оставив озадаченного лорда осмысливать его слова, он повернулся к Гортензии и низко поклонился ей.

– Прекрасный пейзаж, мадемуазель, – беззаботным тоном проговорил он, указывая на открывающийся из окна вид. – Я сохраню самые приятные воспоминания о Мэйдстоуне.

– Увы, мне трудно разделять ваш энтузиазм, – сдержанно ответила Гортензия, – Вряд ли я буду вспоминать об этом местечке без чувства жгучего стыда.

– Прошу вас, перестаньте. Стоит ли понапрасну терзаться? Берите пример с меня: я уже успел забыть обо всем, что случилось здесь.

– Как это великодушно с вашей стороны.

– Я – само воплощение великодушия, – без тени смущения сказал он.

Лорд Остермор заговорил было об отъезде, предлагая мистеру Кэрилле отправиться в город всем вместе, в его карете, но странное поведение мистера Кэрилла заставило его светлость замолчать на полуслове. А мистер Кэрилл, подкрался на цыпочках к стене, затем переместился вдоль нее к двери, осторожно, чтобы не закрыть рукой замочной скважины взялся за ручку и резко распахнул дверь. Послышался испуганный вскрик, и в комнату вкатился мистер Грин. Не дожидаясь, пока он поднимется на ноги, мистер Кэрилл вытолкал сыщика пинками вон из комнаты – больше мистера Грина в Мэйдстоуне никогда не видели.

Лорд Остермор, Гортензия и мистер Кэрилл тоже не стали задерживаться здесь. Когда они подъезжали к Кройдону, уже сгущались сумерки, и его светлость заявил, что чересчур утомлен путешествием, и предложил всем переночевать в гостинице «Колокол».

Пока прислуга готовила ужин, его светлость отправился немного вздремнуть, а мисс Уинтроп решила прогуляться в саду, напоенном благоуханием теплой майской ночи и залитом ослепительно-белым светом восходящей луны. Погрузившись в глубокие раздумья, она отрешенно бродила по мокрым от вечерней росы лужайкам, пока появление мистера Кэрилла, тоже вышедшего подышать свежим воздухом и поразмышлять, не нарушило ее одиночества. Заметив мистера Кэрилла, она окликнула его и, видя его нерешительность, первая заговорила с ним:

– Я от рождения очень любопытна, сэр.

– У меня нет сомнений в исключительности вашей натуры, – отозвался он.

Гортензия на секунду задумалась.

– Вы никогда не бываете серьезным? – нервно усмехнувшись, спросила она.

– А зачем? – ответил он вопросом на вопрос и, предлагая ей развить тему беседы, добавил: – Стоит ли быть серьезным?

– А разве нет?

– Я бы сказал, что в нашей жизни нет ничего заслуживающего серьезного отношения. Я знаю, о чем говорю, дар смеха оказался моим спасением.

– Вы шутите, сэр? Как это возможно?

– Очень просто. Человек моего происхождения, и моего воспитания рискует превратиться в мрачного меланхолика, счесть свое существование невыносимым и положить ему конец. Без преувеличения могу сказать, что только смех спас меня от подобной участи. Выяснилось, что наш мир представляет собой захватывающее зрелище, надо только научиться бесстрастно созерцать его, ведь пока мы наблюдаем за страданиями червя под названием человек, мы забываем о собственных страданиях.

– В ваших слов звучит горечь...

– Что только подтверждает сказанное мною, – пожал он плечами и улыбнулся. – Дело в том, что, пускаясь в объяснения, мы неизбежно становимся серьезными.

Они ненадолго замолчали.

– Я не сомневаюсь, что вы рассматриваете меня всего лишь как еще один любопытный экземпляр этих самых червей, – наконец сказала она.

– Боже упаси! – с неподдельной искренностью воскликнул он, и она рассмеялась.

– Вы искусно льстите, делая для меня исключение.

– Я считаю вас исключительной женщиной с той самой минуты, когда впервые увидел вас.

– Исключительно глупой, вероятнее всего.

– Исключительно красивой и исключительно достойной женщиной, – поправил он ее.

– Весьма неуклюжий комплимент – в нем отсутствует изюминка.

– Я говорю правду, а правда может перестать быть ею, если ее пересластить.

– Именно по этой причине ее лучше уж избегать.

– Да, там где необходимо, – согласился он. – Но в малых дозах она иногда действует как целебный бальзам на истерзанную душу. Но мы отвлеклись. Мне показалось, что вам хотелось о чем-то спросить меня. Не сомневайтесь, вы не ошиблись с выбором источника знаний; смелее черпайте из него, прошу вас.

– Мне бы хотелось узнать... Нет, об этом я уже спрашивала вас. Лучше скажите мне, вы действительно считаете меня слишком опрометчивой?

– Вам нельзя отказать в рассудительности, хотя временами вы вели себя не лучшим образом, – критическим тоном проговорил он после небольшой паузы. – Ответьте мне, вы все еще любите лорда Ротерби?

– А если да, то что?

– После того, что вам довелось пережить, это свидетельствует не в вашу пользу.

– Ваша дерзость переходит все границы, сэр.

– Напротив, она даже не приближается к ним. Кто, как не вы сами, просили меня высказать свое мнение об интересующем вас вопросе?

– Вы чересчур многое позволяете себе.

– Примерно также сегодня выразился и лорд Ротерби. У вас с ним как будто все же есть что-то общее.

С досады она закусила губу.

– Вы обращаетесь со мной как с дурочкой, – упрекнула она мистера Кэрилла.

– Для влюбленного подобное обращение немыслимо.

Она отпрянула от него, словно ее ужалили.

– Вы оскорбляете меня! – рассерженно вскричала она. Пусть я совершила глупость, но это не значит, что теперь со мной можно разговаривать, не стесняясь в выражениях.

– Вы заблуждаетесь, – невозмутимо ответил мистер Кэрилл. – Как я могу оскорблять женщину, которую люблю?

– Вы любите меня? – нетвердым голосом спросила она, и ее лицо, освещенное бледным светом луны, побелело, казалось, еще больше. – Вы сошли с ума.

– В этом я совсем не уверен, и хотя в прошлом, признаюсь, мне случалось иногда сомневаться в своем здравомыслии, нынешний случай не дает мне никаких оснований для этого.

– Вы хотите, чтобы я серьезно отнеслась к вашим словам? – натянуто рассмеялась она. – Мы ведь знакомы всего несколько часов.

– Ровно столько времени, сколько, как мне кажется, я люблю вас.

– Вам кажется? – с оттенком презрения в голосе откликнулась она. – Весьма своевременная оговорка. Значит, вы не совсем уверены?

– А в чем мы можем быть уверены? – возразил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.